

ГЕОГРАФИЯ И СЕМАНТИКА РИТУАЛОВ ЗАВИВАНИЯ (ЗАЛИВАНИЯ) ОВИНА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Т.Е. Гревцова

Татьяна Евгеньевна Гревцова | <https://orcid.org/0000-0001-7512-9528> | tanyar_2@mail.ru | к. филол. н., старший научный сотрудник лаборатории филологии | Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Ключевые слова

казаки, свадебный обряд, обрядовая лексика, ритуальный переход, овин, огонь, этнолингвистика, картографирование

Аннотация

Ритуалы, называемые словосочетаниями с лексемой *овин*, у донских казаков совершались во время девичника, перед отъездом свадебного поезда из дома невесты, после брачной ночи и в конце свадьбы. Их приуроченность к разным этапам свадебного цикла и различное акциональное наполнение свидетельствуют об ареальном разнообразии донской свадебной традиции, на формирование которой повлияли переселенцы, главным образом из южнорусских регионов. Мотив завивания, отраженный в названии данных ритуалов, распитие спиртных напитков из общей посуды, разбивание полых предметов, зажигание и тушение огня, имитация родов и другие элементы *заливания* (*завивания*) *овина* говорят о сложном символическом наполнении данных обрядовых эпизодов и архаичности стоящих за ними народных представлений. Тушение *овина*, реальное или только символическое, обозначает окончательный ритуальный переход молодых в другую социальную группу, в первую очередь невесты, утрату ею прежних биологических и социальных характеристик, невозможность возвращения к добрачному состоянию.

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание ЮНЦ РАН [номер госрегистрации № 122020100347-2]

Статья поступила 08.04.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 12.07.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Гревцова Т.Е. География и семантика ритуалов завивания (заливания) овина в свадебном обряде донских казаков // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 178–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010110>

Grevtsova, T.E. 2022. Geografiia i semantika ritualov zavivaniia (zalivaniia) ovina v svadebnom obriade donskikh kazakov [Geography and Semantics of the Rituals Named 'Zavivat' (Zalivat') Ovin in the Wedding Rite of the Don Cossacks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 178–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010110>

Традиционная духовная культура донских казаков представлена во множестве локальных вариантов, которые могут существенно различаться между собой даже в соседних населенных пунктах. Это обусловлено особенностями процесса формирования населения Донского края, куда в разные периоды стекались выходцы из русских губерний, запорожские казаки, малороссийские крестьяне, представители неславянских народов. Одной из отличительных особенностей духовной культуры Дона ее исследователи считали наличие периода разрыва с материнской земледельческой традицией, когда военизированные мужские сообщества не занимались сельским хозяйством, а семейно-брачные отношения не были распространены среди казаков (Проценко 1995: 48). На начальном, “рыцарском”, этапе истории казачества вступление в брак совершалось на кругу простым объявлением о создании семейного союза, а формирование развернутого свадебного обряда начинается с развитием на Дону земледелия, переходом к оседлому образу жизни и увеличением числа жителей Донского края (Проценко 2004: 29). Под влиянием изменений, принесенных переселенцами в проведение обряда, он постепенно трансформировался, его черты видоизменялись вследствие контактов с соседними локальными традициями; вследствие этого донская свадьба к XIX в. приобретала тот неповторимый облик, в каком она и была зафиксирована в дореволюционных описаниях.

В свадебной терминологии донских казаков есть одно интересное словосочетание – *завивать овин* (варианты – *заливать овин*, *тушить овин*), распространенное во многих районах Дона. Выражение *заливать* (*завивать*) *овин* зафиксировано в Белокалитвинском, Боковском, Верхнедонском, Семикаракорском, Усть-Донецком, Шолоховском районах Ростовской обл., Алексеевском, Даниловском, Иловлинском, Кумылженском, Нехаевском, Новоаннинском, Новониколаевском, Урюпинском районах Волгоградской обл., *тушить овин* – в Даниловском, Клетском, Кумылженском, Михайловском, Фроловском районах Волгоградской обл. В Советском и Обливском районах Ростовской обл. встречается обряд, называемый *тушить пожар* и относящийся к тому же моменту свадьбы, что и *заливание овина* в соседних районах. Значение, обрядовое наполнение и культурная семантика *заливания* (*завивания*) овина разнообразны на территории Донского края.

Слово *овин* встречается в словарях диалектной лексики Дона только в составе приведенных свадебных терминов. Тип конструкции для сушения снопов с очагом отсутствовал на территории Области войска Донского, во-первых, по причине длительного отказа казаков от земледелия и сильной редукции всей сферы быта, лексики и обрядности, связанных с этой деятельностью; во-вторых, теплый климат региона позволял обходиться без сушильни снопов с очагом (Самоделова 2015: 138–139). Вторичные значения лексемы *овин*, фиксируемые в других русских диалектах (“высушенные для обмолота снопы”, “вид укладки снопов”, “куча обмолоченной соломы” и др. [СРНГ 1987: 297–298]), в донских говорах также не отмечены. Учитывая это, неудивительно, что названия эпизодов свадьбы со словом *овин* имеют непрозрачную для носителей традиции семантику. Анализ географии, обрядового наполнения и культурной семантики выражений *заливать* (*завивать*) *овин*, сопоставление со схожими по названию и составу ритуальных действий эпизодами свадеб других восточнославянских областей могут пролить свет на формирование свадебного обряда донских казаков.

Были проанализированы более 100 текстов, описывающих свадебные обряды, обозначаемые словосочетаниями с лексемой *овин* (в том числе сходные по содержанию описания свадебных эпизодов, называемые *тушить*

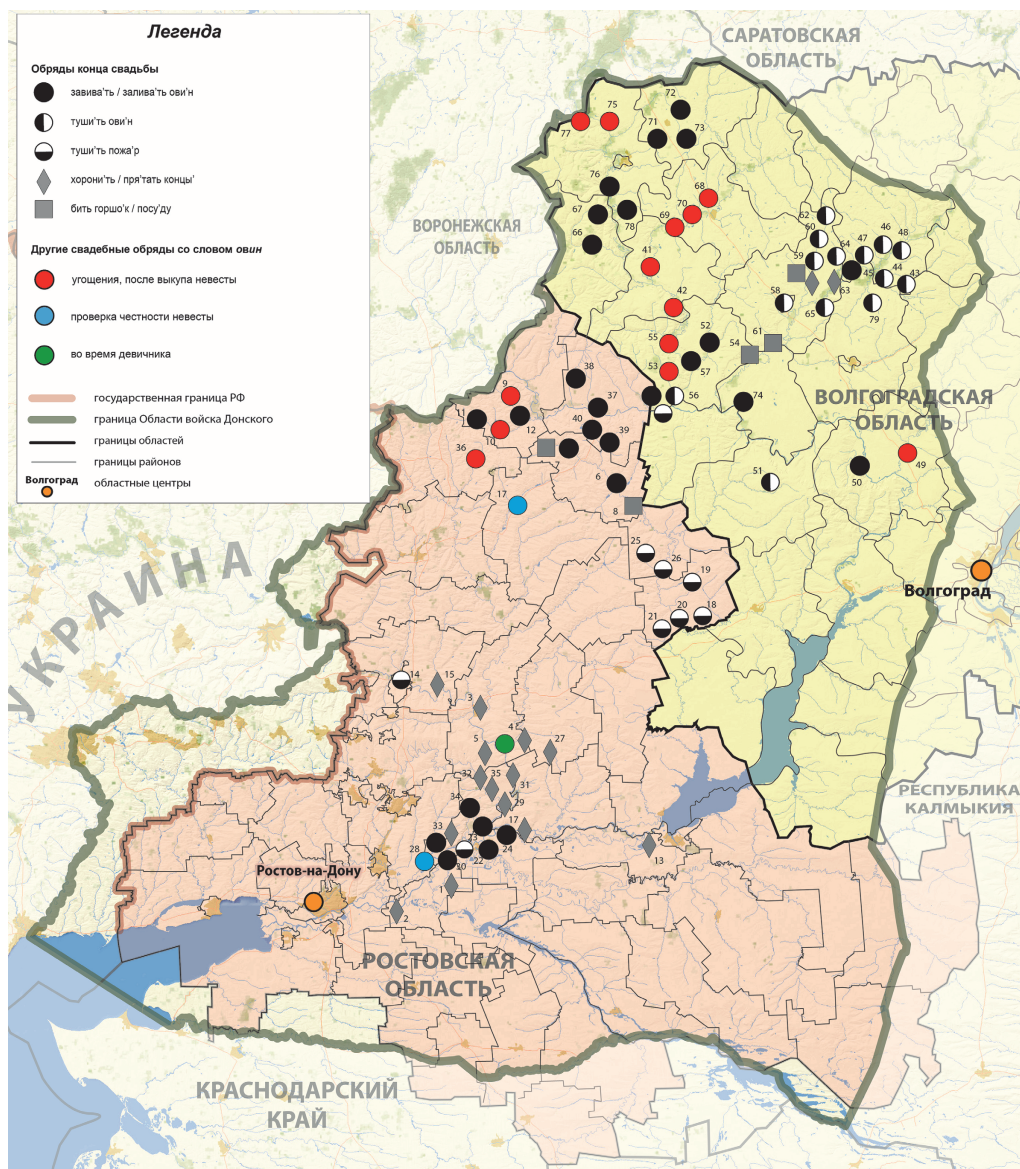

Рис. 1. Карта распространения обрядов *завивания* (*заливания*) *овина* и сходных с ними эпизодов у донских казаков (сост. Т.Е. Гревцова)

пожар, *хоронить концы*, *бить горшки*), записанные в экспедициях Южного федерального университета в районы Ростовской и Волгоградской областей в 1976–2014 гг. (до 2006 г. – Ростовского государственного университета, с 2008 г. полевые исследования проводились совместно с Южным научным центром РАН [ЮНЦ РАН]), выбранные из архива полевых материалов Б.Н. Проценко, хранящихся в ЮНЦ РАН, словарей, опубликованных источников и научных исследований. На основе данных текстов составлена карта распространения словосочетаний со словом *овин* в донских говорах.

Поскольку словосочетания *завивать (заливать) овин* в разных районах Ростовской и Волгоградской областей относятся к различным обрядовым эпизодам, целесообразным представляется описание и анализ каждого из них.

1. Единичный текст о заключительном эпизоде девичника, обозначаемом выражением *завивать овин*, записан в станице Краснодонецкой Белокалитвинского р-на Ростовской обл.: “Завивать авин – эта дажы и ни послы свадьбы. Када дявишник аташол, патам садыца за стол, становють пирох и пають песни. И када спають, патам этат пирох разрезають усе. Эта и авин” (ПМ Проценко 1990)¹. Свадебный обряд станицы Краснодонецкой хорошо исследован (*Листопадов* 1954; *Анашкина* 1976; *Рудиченко* 2000; *Токмакова* 2018), но ритуала *завивать овин* во время девичника зафиксировано не было. А.М. Листопадов отмечает угощение игриц (игрица – подруга невесты, поющая песни на свадьбе [БТСДК 2003: 196]) пирогом с рисом и яйцами в этом обрядовом эпизоде (*Листопадов* 1954: 174), однако культурная семантика разделения пирога, описанного в приведенном выше тексте, иная и связана с прощанием невесты с кругом незамужних подруг и своим девичеством. Несмотря на единичность фиксации данного обрядового акта, семантика других ритуалов, называемых словосочетаниями с лексемой *овин*, свидетельствует о том, что приуроченность к девичнику разделения выпечки между девушками не случайна.

В районах, расположенных по Северскому Донцу, предсвадебный день традиционно отличался большим количеством обрядовых действий, а по значимости приближался ко дню свадьбы. Накануне венчания происходило насыщенное символическими актами и фольклорными текстами перенесение приданого невесты (*подушки*) в дом жениха, перемещение главного свадебного хлеба (*каравая*) и девичник. На девичнике “линия обрядов, символизирующих отделение невесты от группы девушек-подруг и своего рода, достигает... своей кульминации” (*Токмакова* 2018). В Белокалитвинском р-не девушек одаривали *шишками* или *каравайными ветками* (*Токмакова* 2018). В этот акциональный ряд логично встраивается описанное разделение пирога, символизирующее общую долю группы незамужних девушек и окончательный уход невесты из этого сообщества (*Байбурина* 1998: 80).

В структуре восточнославянского свадебного обряда канун свадьбы – пограничный момент ритуала, который, с одной стороны, является подготовительным этапом принятия нового статуса и ритуального “перехода”, а с другой – фазой окончательного разрыва жениха и невесты с добрачной жизнью (*Гура* 2012: 418). В этот период у восточных славян совершаются ритуальные действия с волосами невесты, изготавливается свадебный венок и свадебное деревце, являющиеся атрибутами новобрачной; также выпекается каравай и другие обрядовые хлеба. Все эти предметные символы свадьбы тесно связаны с мотивом *витья*: волосы невесте *повивают*, венок *вьют*, свадебное дерево *завивают*, обязательно готовили к свадьбе *витые* изделия из теста (*витушки*, *калачи*), *витыми* могли быть украшения на свадебном каравае. *Завивание* – ритуальное действие, имеющее защитную и продуцирующую функции, в обрядах календарного и жизненного циклов оно соотносится с ростом и зарождением. Мотив *витья* и *кручения* в свадебном обряде восточных славян представлен в элементах разных кодов, а глаголы *вить*, *крутить* и их производные широко распространены в любовно-брачной терминологии (*Гура* 2012: 706). Исследователи отмечают, что мотив *витья* в ритуалах заключения брака связан главным образом с невестой и ее атрибутами (*Плотникова* 1996: 108).

2. Словосочетание *завивать (заливать) овин* в районах, расположенных вдоль рек Верхний Дон (Верхнедонской, Чертковский районы Ростовской обл.) и

Хопёр (Алексеевский, Иловлинский, Кумылженский, Новоаннинский, Урюпинский районы Волгоградской обл.), может относиться к угощению, устраиваемому в доме невесты после ее выкупа и отъезда свадебного поезда: “Это ж когда забирают, вот у меня так вот, стол накрытый, ну там люди, которые, мы, допустим, поехали, там соседи вот остались, они, в общем, выпивают, закусывают, и это самое овин называется” (ПМА 2008: Орлова). Описание эпизода, называемого *завивать (заливать) овин*, говорят о том, что, помимо угощения оставшихся в доме невесты людей, в этот момент больше никаких обрядовых действий не совершалось. Скорее исключением в этом ряду является имитация родов, устраивавшаяся в станице Алексеевской перед *заливанием овина*: клали свекровь на лавку, она изображала родовые муки, затем у нее на животе разбивали горшок:

Когда увозят невесту – “заливают овин”: мать ставить литр на стол, приглашает всех глядельщиков за стол, где сидят молодые. Поплясали, попели и разошлись <...> Да, пропустили: когда невесту забирают – увозят, у матери начинаются схватки. Ей ставят горшок на живот и разбивают его. Всё, живот не болит. Затем “заливают овин” (Донская свадьба 2020: 65–66).

Также нет и упоминаний особых блюд, подаваемых во время данного застолья, однако иногда подчеркивается, что припасают водку *на овин*. В Верхнедонском р-не Ростовской обл. эту водку оставшиеся в доме невесты “старые”, т.е. состоящие в браке родственники, пили ложками (станция Казанская): “Маладых атводють в-церкав, а старьи астаюца и авин заливають: вотку пьють ис тарелки лошками” (СРДГ 1976: 8). Водка, которую распивали таким необычным способом – зачерпывая ложками из тарелки, – получала специальное название – *овинник* (станция Мешковская): “Авинник сваты пьють лошками” (Там же: 197). Ложками черпали водку из тарелки и во время ритуала, который назывался *пить (повивать) ковчег* и был зафиксирован фольклорной экспедицией МГУ в Серафимовичском р-не Волгоградской обл.:

Родители ждут дома, а этих, когда проводили, забрали, то называется “ковчег пьють”. Такая водка остается, выливают ее в чашку, чашку становють, и в эту чашку выливають, и родные ее остаются. Энти поехали, молодежь, к венчанию. А энти остаются и из этой чашки ложками пьють водку. Ковчег повивають. Это родители невесты. А жениховы родители дома ждут, когда приедуть из церкви (Дианова 2008: 104).

Мотив *витья* в названии этого обрядового эпизода, обстоятельства совершаемых действий (распитие водки ложками из общей посуды) и время их исполнения (после отъезда свадебного поезда), состав участников указывают на сходную символику обрядов *завивания овина* и *повивания ковчег*.

Совместное употребление спиртных напитков из одной посуды (в данном случае – тарелки или чашки) – наиболее ритуализированная форма питья, которая известна с древнейших времен, практиковалась на поминальных, календарных, свадебных застольях и символизировала общность семьи, рода, коллектива (Валенцова 2009: 56). А.К. Байбурин и А.Л. Топорков объясняют “необходимость равного причащения к спиртному напитку... представлением о том, что пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом” (Байбурин, Топорков 1990: 148). В свадебном, как и в других семейных обрядах, совместное употребление специальных блюд и напитков связано с необходимостью перераспределения общей доли (Байбурин 1998: 78–82). Например, у русских и белорусов до сих пор сохраняется обычай зачерпывать из общего блюда ритуальные кушанья (кутью, кисель) во вре-

мя поминок (Алексеевский 2008: 120; Новгородский 2008: 129), хотя прежде употребление пищи из общего блюда было обычной практикой, не связанной с какой-либо обрядностью. Обычай, согласно которому молодые едят на свадебном пиру из одной посуды, известен многим славянским народам (Гура 2012: 504). В эпизоде донской свадьбы употребление всеми членами сообщества водки из одной тарелки или чашки, усиленное использованием ложек – важного для свадьбы предмета утвари, – приобщает каждого из них к совершаемому ритуальному действию. В славянских свадебных обрядах ложки являются одними из символических заместителей жениха и невесты, о чем свидетельствуют различные манипуляции с ними (связывание ложек новобрачных, употребление молодыми пищи одной ложкой, кража ложек из дома невесты, принесение новобрачной в дом жениха своей ложки, наказание родителей “нечестной” невесты дырявыми ложками и т.д.) (Гура 2012: 93, 210, 477, 483, 520, 621).

В описаниях ритуала *заливания* (*завивания*) овина часто подчеркивается, что данная трапеза устраивается для *зрителей* (людей, не приглашенных на свадьбу, но обязательно приходивших посмотреть на нее), детей, соседей, родственников невесты, оставшихся в доме ее родителей:

А эта овин, это когда вот невесту увозють. Вот приехал жених за ней, ну не все гости там, молодежь приезжает. Тут выкупили ее, забрали и поехали. Эти хозяйева, отец, мать, тут все, эти, тогда это называлась глйдельщики. Ага, вот эта приходють, глидять. Ну и вот, их тогда стол убируют: зайдить, овин заливать. Угощают их (ПМА 2008: Ситникова).

И выводят и всё, они поехали с богом, а ты оставайся. Тогда заливають это, овин заливають. После, увязуть молодых, тогда собирають людей, тут какие люди остаются, желающие, щас вотки на стол, они гульбу тут свою открыли, пока молодые уехали, они уж тут, стол накрыли, людям, людям, вот смотреть какие там остаются. Вот эта вот заливають овин (ПМ Власкиной 2010).

В состав участников ритуала *заливания* (*завивания*) овина входили те, кого не приглашали на главное свадебное застолье. Это и соседи невесты, и дети, и молодые люди, не состоящие в браке, которые прощались с молодыми на этом этапе обряда и не допускались на пир. В одном из описаний этого обряда подчеркивается, что его устраивали для стариков, которым “нечего делать” на свадьбе (материал собран в станице Казанская Верхнедонского р-на):

Када паехала невеста ж жынихом виньчаца, тут авин завивають старьи люди. Аставють им вотки, ани тут-ть пють, пькамист там батюшка их пирьвянчаить, да приедуть, да фстренуть их. А эти тут-та астаюца, старьи. Ну некуды ж их, и там делать йим нечива. Фсех жы ни пасажаиш на падводы – да ста чилавек. А какий старыйь: “Да ну иё, пака я влезу на этот тарантас, и ни паеду. Мы авин будим заливать”. Им аставють вотки, и ани авин заливають, када уедуть виньчаца (Казачий свадебный обряд б.г.: 20).

Таким образом, устраиваемая после отъезда свадебной процессии трапеза служила для того, чтобы все приняли участие в обряде (в том числе те, кому не позволялось присутствовать на свадебном пиру, или те, для кого это было затруднительно). В заключении брака у восточных славян принимали участие все члены микросоциума (Гура 2012: 23; Бузин 2015: 527), а общественный характер свадьбы у донских казаков был заложен еще в обычае создания брачного союза на кругу (Проценко 2004: 32). На Нижнем Дону *глядельщики* принимали участие в обряде переноса приданого, повсеместно в донской свадебной традиции односельчане перегораживали дорогу свадебному поезду, требуя выкуп за проезд, *зрителям* давали по кусочку калача или

специального хлеба – *встречника*, разламываемого над головами новобрачных при встрече молодых в доме жениха, и т.д. (Там же: 32).

Людей, оставшихся в доме невесты после отъезда свадебного поезда, угощали также для того, чтобы “погладить дорожку” молодым: «Когда жених забрал невесту, оставляют пол-литру: это “глядать дорожку”, “овин заливают”» (Донская свадьба 2020: 91). Место, где сидели жених и невеста, наделялось сакральным статусом, поэтому туда разрешалось садиться только состоявшим в благополучном браке парам:

Вот эта вот заливают овин. Там еще сажают, какие родные или не родные, ну всё равно родственники какие, сажают, вот они [жених и невеста] вылезут из стола, и на их место сажают этих, чтоб они тоже жили хорошо. Ну только не плохих каких брать. Хорошую семью, которая хорошо живет. Молодые встают, а эти садятся (ПМ Власкиной 2010).

В описанном обрядовом эпизоде реальный путь молодых тесно переплетается с ритуальным, связанным с переходом в новый статус. В проведении свадьбы дорога является особым локусом, соединяющим в себе черты реального перемещения молодых (к венчанию и обратно, из дома невесты в дом жениха) и символического пути, отмечающего обрядовый переход из одного статуса в другой, поэтому пожелание благополучного переезда свадебного поезда от дома жениха к дому невесты должно было обеспечить и счастливую жизнь создаваемой семье (*Байбурин* 1993: 76; *Гура* 2012: 566).

Значимым является и время проведения ритуала *заливания* (*завивания*) *овина* – после *посада* невесты, ее выкупа женихом и сведения будущей семейной пары². Исследователи славянской культуры считают, что обряд *посада* реконструирует дохристианский ритуал бракосочетания, поскольку этот эпизод включает в себя все основные элементы заключения брака, связан с переменной прически и головного убора невесты, одариванием молодых, свадебным застольем (*Гура* 2012: 455). Приуроченность угощения “посторонних” ко времени после *посада* жениха и невесты указывает на важность приобщения всех членов коллектива к свадебной трапезе и прежде всего к совместному распитию спиртных напитков, которое совершается в наиболее важные моменты обряда и закрепляет получение его участниками нового статуса.

Географическое распространение предвенчального ритуала *заливания* (*завивания*) *овина* на территории бывшей Области войска Донского было ограничено. Компактный ареал он образует в районах Волгоградской обл., расположенным по берегам Хопра (Кумылженский, Алексеевский, Новоаннинский, Урюпинский). Встречается данный эпизод также в Иловлинском р-не Волгоградской обл., Верхнедонском и Чертковском районах Ростовской обл. Похожий обрядовый акт, называемый *повивать ковчег*, зафиксирован в Серафимовичском р-не Волгоградской обл. (*Дианова* 2008: 104). А.М. Листопадов, описавший казачий свадебный обряд, проводимый в населенных пунктах, расположенных по берегам Северского Донца, также упоминает *завивание овина* в этот момент свадьбы:

По отъезде свадебного поезда невестины родители зовут присутствующих при проводах родных, соседей и знакомых “завивать овин”.

Устраивается полный обед, после которого “вечерние”, т.е. имеющие участвовать в “брачном вечере”, едут в тот же хутор, где живет жених, и там, остановившись на “хватере”, ждут, пока явятся сваты всей компанией с приглашением пожаловать на “брачную пир-беседушку” (*Листопадов* 1954: 250).

Схожие с донскими эпизоды угощения в доме родителей невесты, называемые словосочетаниями со словом *овин*, зафиксированы в южнорусских свадебных традициях. В Орловской обл. после отъезда свадебного поезда людей, не приглашенных на свадьбу, звали *тушить овин* (Костромичёва 1998: 86). В Белгородской обл. замужние женщины *тушили овин* в доме невесты (Климова 2007: 30). В Курской обл. *тушили овин*, т.е. делили каравай жениха, оставшиеся после отъезда молодых к венцу родственники, подруги невесты, соседи (Токмакова 2015). У гребенских казаков после отъезда свадебной процессии родители жениха приглашали родителей невесты к себе на пир, который продолжался до глубокой ночи и назывался *овин заливать* (Ржевуский 1888: 223). В Саратовской обл. во время свадьбы в овине угощали спиртными напитками (СРНГ 1987: 298). Наиболее полным является описание *тушения овина* в Рязанской обл., сделанное Е.А. Самоделовой (Самоделова 2015). Как и на Дону, этот эпизод был приурочен ко времени после отбытия свадебного поезда, в нем принимали участие родители и соседи невесты. Рязанский обряд отличают следующие ритуальные действия: зажигание огня перед повозкой с молодыми и определение по тому, проедет ли лошадь через огонь, дальнейшей судьбы создаваемой семье; поджигание соломы в ведре и символическое тушение ее водкой; следование эпизода, называемого *тушить овин*, за обычаем *выкатывания ступы*. Исследовательница отмечает, что

смысловая общность этих ритуалов обусловлена единой семантикой разрушения важного бытового предмета (загоревшегося и потушенного овина, поваленной и кающейся ступы), что символизирует утрату невесты для ее родителей, отъезд ее из родного дома, наглядно демонстрирует идею невозможности возвращения девушки в ее прежнее благословенное девичество (Там же: 143).

В Советском р-не Ростовской обл. существовал сходный обряд с огнем, имевший очистительную и защитную функции, но совершавшийся в другой момент свадьбы: перед двором жениха разводили костер, чтобы повозка с молодыми, возвращавшимися из церкви, переехала через огонь (ПМДЭ 2002: Кобзева, Сафонова). Общий смысл предвенчального обряда, называемого *заливать* (*завивать*) *овин*, у верхнедонских и хоперских казаков также заключается в окончательном разрыве девушки-невесты со своим родом и утрате ею всех старых социальных связей, приобщение к обряду всех членов сообщества, ритуальное единение их через употребление водки из одной чашки ложками (или просто совместного распития спиртного), а также в продуцировании благополучия новой семье.

3. Есть несколько свидетельств тому, что *завивание овина* в свадебном обряде донских казаков связано с девичьей честью невесты и ее сохранением до брака. В Усть-Донецком р-не Ростовской обл. записан текст о том, что *овин завивали* только “честным” невестам:

Авин завивать – гуляють да и фсё, завивають авин. И вы знайти же – и узнають жы ради тили, какая щесная, какая нищесная, и уже па-другому. Какии завиванки, какии нет. Наш жы брат какой: как панравился паринь – так и усё. Но мне некада було гулять, я джоже маладая была. На улицу ни пускали. А есть такии были деуки атпетыи (ПМ Проценко середина 1980-х годов: Яковлева).

Перепрыгивание через огонь и разбивание посуды (действия, совершавшиеся в конце свадьбы на Дону и часто обозначавшиеся словосочетаниями с лексемой *овин*) могли быть знаками сохранения невинности молодой до брака:

Этава ништо ни знаить, должын адин муж знать. Энта дурасть была. Хорошая женщина и... закапывали, папирва разводили кастёр, пирипрядывать чириз ниво. То фсе папрядали, значить, чесная невеста, узнавали. А други – хто кулаком разабьёт гаршок с невестиной радни, а ж жыниховой жы угадывають (ПМ Проценко середина 1980-х годов: Полозова).

На севере Ростовской обл. в случае, если невеста не сохранила невинность до брака, проводили обряд, называемый *овин*: «в деревянную чашку наливают водку, крошат “бурсак” (круглые лепешки), а родители невесты поедут в дом жениха только после того, как в присутствии гостей дырявыми ложками съедят “овин”» (Литвиненко 1997: 158). Отметим в этом эпизоде сходное с ритуалом *заливания* (*завивания*) *овина* перед отъездом молодых совместное употребление водки родителями невесты (ложками и из одной чашки), символизирующее общность коллектива и отмечающее общий для родителей ритуальный переход. Дырявые ложки в этом случае вписываются в ряд предметов с отверствием, использующихся как на Дону, так у славян в целом для демонстрации “нечестности” невесты (дырявые рюмки, ведро, корыто без дна).

У восточных славян первую брачную ночь молодые обычно проводили в неотапливаемом помещении. А.В. Гура обратил внимание на корреляцию ритуального использования хлеба в виде снопов, зерна или выпечки в обрядах брачной ночи и обустройством спальни для новой супружеской пары в хозяйственных постройках для хранения, сушки или молотбы хлеба, в том числе в овине (Гура 2012: 510). При этом “основные мифо-ритуальные функции овина связаны с разжигаемым там огнем” (Левкиевская, Плотнокова 2004: 493). Е.А. Самоделова отмечает, что “в свадебном обряде проведение ритуалов в овине (или, позднее, с упоминанием овина)... вероятнее всего было обусловлено имеющимся в таких помещениях очагом” (Самоделова 2015: 139). Зажигание огня в ритуалах, совершавшихся во время или после брачной ночи, имело эротическую и продуцирующую символику, соотносилось с актом дефлорации и было связано с инициацией новобрачных (Белова, Узенёва 2004: 516–517; Матлин 2020: 108). О том, что овин символизировал незамужнее состояние невесты и ее целомудрие, свидетельствуют данные свадебной традиции Орловской обл., в которой фраза “овин сгорел” обозначала окончание времени девичества (“всё, авин згарел, мужняя ты жана”), а также употреблялась для приглашения на угощение в доме родителей молодой на второй день свадьбы: «Нивесту узвили, а нь втарой день свадьбы гъварили, што у невестиной атць авин згарел. Я помню, у децтве гъварили: “Пайдёмтя, авин згарел”. Блискии, знакомъи шли. Хто зря-ть ни пайдеть» (Костромичёва 1998: 100–101). В Ульяновской обл. утром после брачной ночи у невестиного дома разводили костры, будили молодых со словами: “Пожар уж прогорел” (Матлин 2020: 107).

Мотив сжигания и тушения овина и других хозяйственных построек присутствует во фразеологизмах, обозначающих измену, неудачу в любви, семантически связанных с любовным актом. В новгородских говорах словосочетание *заливать овин* употреблялось для обозначения “ритуала для обманутого в любви”: “Овин заливать, женился, а меня не взял, меня водой и заливают. Говорят, забава женился, залейте мне овин. Что хотите говорите, по душе один и был” (НОС 2010: 689); фразеологизмы *сгорела рига* (*баня, байна*) у кого иносказательно использовали, говоря об измене (Кучко 2017: 484). В вологодском диалекте выражение *овин сгорел* относилось к отказу на сватовстве или к разрыву супружеских отношений (СВГ 2002: 110; Зорина 2008: 56). Связь супружеского акта и любовной измены здесь коррелирует с семантикой продуктов горения в свадьбе (сажи, пепла, головешки), которые также фигурировали в виде вербальных знаков или предметных символов в эпизодах неудачного сватовства, осу-

ждения неженатой молодежи, порицания “нечестной” невесты. Е.Л. Березович установила, что «отказ при сватовстве, измена в любви и утрата девственности воспринимаются как действия близкие (“женские грехи”) и имеют общее символическое поле» (Березович 2007: 250–252). Таким образом, *сжигание овина* в русских свадебных обрядах связано с утратой невестой своих прежних социальных и биологических характеристик и перерождением ее в новом качестве.

4. Чаше всего словосочетания *завивать, заливать, тушить оvin* на Дону относятся к заключительному эпизоду свадебного цикла. При этом акциональное наполнение ритуалов завершения свадьбы, обозначаемых данными выражениями, могло значительно варьироваться. Например, в районах Волгоградской обл., расположенных по берегам Хопра (Кумылженский, Нехаевский, Новониколаевский, Урюпинский), *заливание овина* в конце свадьбы включает принесение воды новобрачной, являющееся ее символическим испытанием и приобщением к пространству дома мужа, одаривание молодой деньгами и *отгуливание* (т.е. последнее застолье) у жениха. Носители традиции объясняют, что *овин заливали, тушили* в конце свадьбы для того, чтобы “молодые не разошлись”, “чтобы невеста не тосковалась по дому”, “чтобы невеста назад не возвращалась” (Дианова 2008: 114; СДГВО 2011: 189–190; Донская свадьба 2020: 133). Последние толкования значения обряда представляют в контексте всех описанных выше эпизодов свадьбы особенный интерес, так как подчеркивают окончательный разрыв невесты со своей семьей и девичеством, который символизирует *заливание овина*. Бесповоротность перехода молодой в род мужа знаменуют и многие другие обрядовые акты конца свадьбы на Дону: *хоронить концы, отрубать (оттягивать) хвост, забивать чоп* и т.д.

В Семикаракорском и Усть-Донецком районах Ростовской обл. *заливанием (завиванием) овина* называли эпизод конца свадьбы, когда в чашку наливали алкогольный напиток, кидали туда мелкие деньги, а гости старались зачерпнуть спиртное кружкой так, чтобы поймать монеты. После этого во дворе зажигали огонь, через который перепрыгивали все присутствующие:

Инф.: На третий день назывался “овин заливать”, “заливать оvin”. Наливають у щáшу вина, кидають туда деньги, серебро, и ловють. Привяжуть за потолок кружку, и забирайте, кому счастья попадет, деньги ж тогда всякаи кидали. <...> А хто шерпае, шерпае, нищегó, выпьет, напьется. Ну вот и начинають костер жечь, на улицу выйдуть или в двор, где они, щé они, костер разожгут и начинають прыгать шерез этот костер.

Собиратель (далее – С.): Зачем?

Инф.: Да так просто, ну подурить.

С.: Кто прыгает?

Инф.: Хто прыгае, да хто в свадьбе играть. <...> Кричать, вот же “пожар”, кричать, зажгут же сперва, а потом эту же с щáшки – тушите, пожар же, из шашки же шерпають (ПМДЭ 2001).

Отметим, что в этом ритуальном действии, как и в эпизоде после отъезда свадебного поезда, распитие алкогольных напитков осуществлялось из общей посуды, которая рассматривалась какместилище “счастья” – доли, воплощенной в монетах. Все это указывает на архаику народных представлений, стоящих за ритуалом *заливания овина* в данной локальной традиции, а также на включенность его в семантическую структуру эпизодов донской свадьбы, обозначаемых словосочетаниями со словом *овин*.

В Усть-Донецком р-не Ростовской обл. после *заливания овина* могли *забивать кол*: “Кол забивають, что тут они уже будут жить, и оvin завивають, заливають, всё, никаких не ссор, не скандалаў, никаких новостей с этого дома чтоб

не выходило – это завивается овин” (ПМ Власкиной 2001: Давыдыч). Забивание кола в конце свадьбы заимствовано казаками из украинской традиции, влияние которой особенно заметно в нижнедонской свадьбе. Иногда эпизод черпания спиртного кружкой отдельно называли *хоронить концы*:

Тогда овин заливають, концы хоронють. Собираются у жениха, разжигают костер и прыгают через него, через костер. <...> И конец, вот что-то спрячь, привяжешь туда кружку, в чашку такую нальешь вина полно, и накидають туда денег. И вот ты поймай. А ты как поймаешь? Поймаешь, а вот это вино всё и выпьешь обязательно. Хочешь, второй раз ныряй туда. А вино будешь выпивать. Да так концы эти нахоронють, что еле ползуть (Там же: Войтова).

Словосочетание *хоронить (прятать) концы* распространено в основном в районах Нижнего Дона и Северского Донца, небольшой ареал оно образует также в Михайловском р-не Волгоградской обл. Частично территория его распространения совпадает с регионом фиксации выражения *заливать (завивать) овин*. Приведенные словосочетания сходны и по значению: они обозначают черпание монет кружкой в чашке со спиртным, зажигание и тушение огня, битье посуды и подметание осколков молодыми (Анашкина 1976: 119; БТСДК 2003: 436, 560; ПМ Проценко 1990; ПМА 2007).

В Шолоховском р-не Ростовской обл. обряд *заливания овина* относился к разделению каравая на следующий день после венчания. Свадебный каравай, украшенный двумя веточками сосны, разламывали пополам, его части давали матерям новобрачных со словами: “На тебе, свашенька, веточки, а мне остаются деточки” (ПМА 2005). После этого разбивали горшок или тыкву, внутрь которых сажали живого петуха или курицу; осколки молодые подметали вместе с мелкими деньгами, кидаемыми гостями. В станице Вёшенской разбивание горшка происходило у свекрови на животе и сопровождалось изображением родов (подробнее об этом см.: Гревцова 2020: 122). Данный обряд интересен тем, что содержит большое количество элементов, которые восходят к архаичным славянским представлениям о брачном “переходе” молодых людей, и прежде всего невесты. Во-первых, разбивание посуды или других полых предметов в свадебном обряде приурочено к актам, изменяющим социальный статус невесты, и осмыслиется как получение счастья новобрачным (Байбурин 1993: 83; Топорков 1995: 180). Во-вторых, разделение каравая в свадебном обряде донских казаков – действие, отмечающее окончательный переход девушки в семью мужа и изменение ее положения: после этого акта молодая снимает фату, ей меняют прическу, новобрачных “сдают с рук” (т.е. передают родителям) свадебные распорядители – дружка и свашка. В описанном обряде разламывание каравая совершается одновременно с битьем посуды, что усиливает семантику окончательного перехода молодых в новый статус. В-третьих, примечательно присутствие в обряде курицы или петуха, которые являются в восточнославянской свадьбе символическими заместителями невесты и жениха. При этом курица или петух помещаются в полый предмет (горшок или тыкву), образуя сложный по смысловому наполнению символ. Наконец, это действие дополняется имитацией родов – разбиванием горшка у свекрови на животе, что символизирует рождение новобрачной в семье мужа. Подтверждением того, что в этом эпизоде изображаются элементы родильного обряда, служат описания подобных ритуалов второго и третьего дня свадьбы в районах Ростовской обл., расположенных вдоль Северского Донца, и в некоторых районах Волгоградской обл. (Анашкина 1976: 119; БТСДК 2003: 45; Донская свадьба 2020: 70, 82, 92, 93, 104, 108, 124, 137, 172; Харузин 1885: 158). Отметим, что в текстах, описывающих данный обрядовый акт, а также сходные по акциональному наполнению

эпизоды, практически не встречается указаний на пожелание плодородия молодым (в отличие от подметания новобрачными черепков разбитой посуды после *заливания овина*). Наоборот, иногда прямо говорится о том, что свекровь “родила” себе невестку (Донская свадьба 2020: 70, 81, 123, 171; *Анашкина* 1976: 119).

Разбивание посуды в донской свадьбе, как и повсеместно в России, не только отмечало символическое изменение социального статуса молодой, но и напрямую указывало на биологический переход, совершившийся в первую брачную ночь. Так, в верхнедонских районах битье горшков утром после брачной ночи было знаком сохранения девушкой целомудрия до брака (СДГВО 2011: 44; Донская свадьба 2020: 26). При этом битье посуды в некоторых районах Дона, культура которых испытала значительное влияние традиции малороссов, имело противоположное значение – обозначало утрату невестой девственности до свадьбы (ПМДЭ 1991; ПМА 2012). Таким образом, разбивание посуды в ритуале *заливания* (*завивания овина*) можно рассматривать как указание на биологический и социальный переход молодой.

Помимо словосочетания *заливать* (*завивать*) *овин*, в донских говорах встречается выражение *тушить овин*, относящееся к ритуалам конца свадьбы в Даниловском, Клетском, Кумылженском, Михайловском, Фроловском районах Волгоградской обл. *Тушение овина* включало битье посуды, зажигание и тушение огня, перепрыгивание через костер, испытания новобрачных:

Были, это знаешь когда, когда овин, в общем ну это, чтоб это, тушить оvin. Овин – это знаешь, когда овин? Всё уже к концу, свадьба, всё, вот возле этих ворот делают, зажигают и прыгают через него. И мелочь, бывает, роняют, чтобы невеста, чтобы паглядить, она не спялая. И вот начинает выбирать. Овин обязательно, обязательно. Это когда после свадьбы уже всё. Когда свадьба заканчивается, всё, это тоже много дарять, бросают. Пряма и монеты, и так пряма бросает, и невеста надевает фартук и собирает (ПМ Архипенко 2009).

В Советском и Обливском районах Ростовской обл. в конце свадьбы *тушили пожар*, в станице Раздорской Усть-Донецкого р-на – *заливали пожар*: в доме жениха собирались близкие родственники, устраивали застолье, во дворе зажигали небольшую костер, участники обряда прыгали через него (ПМДЭ 1998: Варламова, Савчук; ПМДЭ 2001; ПМДЭ 2002: Коробова, Сафонова). В Обливском районе *тушили пожар* заливанием трубы дома новобрачного, при этом огонь не зажигали (ПМДЭ 1998: Ерохина).

Тушение овина, пожара в конце свадебного обряда зафиксировано и в других русских традициях, прежде всего южнорусских. В Белгородской, Воронежской, Орловской, Самарской областях, у русских Татарстана в конце свадьбы *тушили овин* (Богданова 2019: 153; Зорин 2004: 101; Климова 2007: 38; СОГ 2008: 181)². У русских Урала, Башкирии, Сибири, на Кубани и Ставрополье, в Курской и Белгородской областях *тушили (гасили) свадьбу* (Голубева 2015; ИЭиФК: 239; *Невская* 1982: 95; Семенова 2009: 183; Чижикова 1989: 192). Эти обрядовые акты, как и на Дону, включали зажигание и тушение огня, разбивание посуды и подметание осколков молодыми. В разных восточнославянских традициях конец свадьбы связывается с продуктами горения. В Ставропольском крае *тушили угольки, заливали головёшки* (Бойко 2017: 86), в Карелии и Архангельской обл. шли к родителям невесты *на пепелище* (Гура 2012: 543), в Гомельской обл. Белоруссии в конце свадьбы устраивали ритуал *папялішча*, во время которого ели курицу или петуха (Вяселле 1978: 387). Огонь конца свадьбы имел очистительную функцию, поэтому все участники обряда должны были перепрыгнуть через зажженный костер. *Тушение овина* в этот момент свадьбы означало окончательный переход молодой в семью мужа. Кроме того,

огонь символически соотносился с актом дефлорации. Его совершение отмечалось обрядовыми действиями утром после брачной ночи, которые могли дублироваться и на третий, завершающий день свадьбы (Матлин 2020: 107–108).

Следует отметить, что ареалы распространения обрядовых словосочетаний *заливать* (*завивать*) *овин* и *тушить овин* в донских говорах практически не пересекаются. Глаголы *заливать* и *завивать* в них демонстрируют устойчивую взаимозаменяемость, при этом последний имеет тенденцию к утрате. Это связано с фонетическим сходством этих слов и с тем, что внутренняя форма и мотивировка терминов *заливать овин* и *завивать овин* затемнена для носителей традиции. Сравнение с похожими по названию и обрядовому наполнению эпизодами свадеб других русских областей показывает, что донские обряды *заливать* (*завивать овин*) в прошлом могли быть более полными, включать большее количество символических действий, которые впоследствии были утрачены. Разнообразие значений словосочетания *заливать* (*завивать*) *овин* в свадебном обряде донских казаков свидетельствует о неравномерности его формирования в разных районах Дона и влиянии на него культурных традиций переселенцев из различных русских регионов, в первую очередь южнорусских.

Составленная карта распространения свадебных выражений со словом *овин* на территории бывшей Области войска Донского отражает бытование их в виде словосочетаний, обозначающих ритуал, совершаемый после отъезда свадебного поезда (преимущественно у хоперских казаков). Семантика эпизодов конца свадьбы у этих терминов фиксируется повсеместно в верхнедонских районах; небольшой ареал эти словосочетания образуют на Нижнем Дону. Приуроченность обрядовых актов, называемых сочетанием слов с лексемой *овин*, и ко времени выкупа невесты, и к третьему дню после венчания не случайна и объясняется присутствием в эпизоде *посада* всех основных элементов заключения брака, что дает возможность для реконструкции праславянского обряда бракосочетания (Гура 2012: 455). Поэтому ритуалы с *овином*, совершаемые после отъезда невесты из родительского дома, видимо, относятся к более ранним, возможно дохристианским, народным представлениям, поскольку указывают на окончательный переход девушки в семью мужа уже на этапе после *посада* будущей семейной пары.

В эпизодах донской свадьбы, называемых *завивать* (*заливать*), *тушить овин*, присутствуют элементы, свидетельствующие об архаичности стоящего за ними народного мировоззрения (распитие спиртных напитков из общей посуды, разбивание полых предметов, зажигание и тушение огня, имитация родов, использование в них символических для восточнославянской свадьбы атрибутов – хлеба, спиртных напитков, курицы и др.). Очевидно, что в донских свадебных традициях, так же как и в брачных обрядах других русских областей, зажигание и тушение *овина*, реальное или только символическое, обозначает окончательный ритуальный переход молодых, прежде всего невесты. Этот переход связывался с наиболее значимыми моментами свадебного обряда: кануном свадьбы, *посадам* жениха и невесты, первой брачной ночью, заключительным эпизодом свадьбы. Все эти моменты в народном сознании соотносятся с утратой невестой своих прежних биологических и социальных качеств и окончательным переходом ее в род мужа. При этом образ овина, по-видимому, настолько тесно и давно связан с заключением брака, что на Русском Севере он входит в молодежные посиделочные игры “в женитьбу”, которые являлись “репетицией” настоящей свадьбы, в виде их названий (“овин горит с женитьбой”, “овин сгорел”), игровых вербальных формул (“давайте сожжем овин!”) или реального зажигания и тушения огня. Интересно, что в одном из вариантов такой игры молодые люди так же, как и в конце свадьбы на Дону

и в других русских областях, прыгали через огонь (*Морозов, Слепцова* 2004: 392–394, 441).

Примечания

¹ Диалектные тексты из личных полевых архивов ростовских исследователей, а также собранные в экспедициях Южного федерального университета, даются в орфографии с сохранением характерных черт донских говоров. Буквой *г* передается *γ* (г-фрикативное). При цитировании материалов из других экспедиционных архивов или опубликованных текстов они приводятся в том же виде, в каком они представлены в источнике.

² У донских казаков *посадом* называют сидение невесты в переднем углу комнаты за столом в ожидании жениха, реже – жениха и невесты после выкупа места рядом с невестой перед отъездом к венчанию. *Посад* будущей семейной пары сопровождается застольем и обыгрыванием участников обряда (БТСДК 2003: 407, 482; *Листопадов* 1954: 228, 241–242). В районах по Хопру *посадным* называется свадебный убор невесты (СДГВО 2011: 461). Сидение молодых на почетном месте во время свадебного пира не отмечается ритуально и *посадом* не называется.

³ Выражаем благодарность Т.Е. Баженовой за информацию об обряде *тушения овина* в самарской свадьбе, которой она любезно поделилась с автором во время Всероссийского диалектологического совещания “Лексический атлас русских народных говоров” 1 марта 2021 г.

Источники и материалы

БТСДК 2003 – Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; ф-т филологии и журналистики; каф. общ. и сравнительн. языкознания. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003.

Вяселле 1978 – Вяселле. Абрад / Склад. К.А. Цвірка; рэд. В.К. Бандарчык, А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.

Голубева 2015 – Голубева М.С. Свадебный обряд, песни и причитания русских старожилов Республики Башкортостан // Культура.рф. 03.09.2015. <https://www.culture.ru/objects/480/svadebnyi-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkikh-starozhilov-respubliki-bashkortostan>

Донская свадьба 2020 – Донская свадьба. Вып. II: Материалы этнографических и фольклорных экспедиций 1983–2017 гг. / Сост. М.А. Рыблова, В.С. Кубракова, В.А. Шилкин; под ред. М.А. Рыбловой. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020.

Зорина 2008 – Зорина Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. Вологда: ВГПУ, 2008.

ИЭиФК – История, этнография и фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 3: Усть-Лабинский район / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Майкоп: Качество, 2018.

Казачий свадебный обряд б.г. – Казачий свадебный обряд (сводные материалы). Машинопись. Б.г. 27 с. Хранится в коллекции личных документов Б.Н. Проценко в ЮНЦ РАН.

Климова 2007 – Климова Я.М. Праздники и обряды Белгородчины: сборник фольклорных материалов по традиционным праздникам и обрядам, народным играм Белгородской области // Праздники святого Белогорья. Вып. 2. Белгород: Издание БГЦНТ, 2007.

- Костромичёва* 1998 – *Костромичёва М.В.* Словарь свадебной лексики Орловщины. Орел: Орловский гос. ун-т, 1998.
- Листопадов* 1954 – *Листопадов А.М.* Песни донских казаков: В 5 т. Т. 5 / Под общ. ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1954.
- Литвиненко* 1997 – *Литвиненко О.* Заметки о свадебных обрядах в северных районах Ростовской области // Памяти Листопадова / Ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. С. 154–162.
- НОС 2010 – Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; авт.-сост. А.В. Клевцова и др. СПб.: Наука, 2010.
- ПМ Архипенко 2009 – Полевые материалы экспедиции Натальи Анатольевны Архипенко в Даниловский р-н Волгоградской обл., 2009 г. (информант: Т.С. Ёлкина, 1936 г.р.).
- ПМ Власкиной 2001 – Полевые материалы экспедиции с. н. с. ЮНЦ РАН Нины Алексеевны Власкиной в Усть-Донецкий р-н Ростовской обл., 2001 г. (информанты: А.А. Давыдыч, 1936 г.р., А.М. Войтова, 1920 г.р.).
- ПМ Власкиной 2010 – Полевые материалы экспедиции с. н. с. ЮНЦ РАН Нины Алексеевны Власкиной в Новоаннинский р-н Волгоградской обл., 2010 г. (информант: Р.Н. Сергеева, 1930 г.р.).
- ПМ Проценко 1990 – Полевые материалы экспедиции Бориса Николаевича Проценко в станицу Краснодонецкую Белокалитвинского р-на Ростовской обл., май 1990 г. Тетрадь МАРДГ-5. Хранится в коллекции личных документов Б.Н. Проценко в ЮНЦ РАН (информант: М.М. Чикомасова, 1899 г.р.).
- ПМ Проценко середина 1980-х годов – Полевые материалы экспедиции Бориса Николаевича Проценко в станицу Мелиховскую Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., середина 1980-х годов. Тетрадь № 13. Хранится в коллекции личных документов Б.Н. Проценко в ЮНЦ РАН (информанты: В.П. Полозова, 1904 г.р.; А.Н. Яковлева, 1909 г.р.).
- ПМА 2005 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Шолоховский р-н Ростовской обл., 2005 г. (информант: З.В. Великанова, 1939 г.р.).
- ПМА 2007 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Усть-Донецкий р-н Ростовской обл., 2007 г. (информанты: В.П. Наумова, 1927 г.р.; Т.К. Рыковская, 1928 г.р.; Н.Е. Савкина, 1929 г.р.; Л.П. Токарева, 1931 г.р.).
- ПМА 2008 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Урюпинский р-н Волгоградской обл., 2008 г. (информанты: Р.В. Орлова, 1930 г.р.; В.Г. Ситникова, 1929 г.р.).
- ПМА 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Миллеровский и Тарасовский р-ны Ростовской обл., 2012 г. (информанты: Е.Е. Безручко, 1932 г.р.; Е.Е. Корнеева, 1923 г.р.).
- ПМДЭ 1991 – Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета в Весёловский р-н Ростовской обл., 1991 г. (информант: П.Ф. Бондаренко, 1907 г.р.).
- ПМДЭ 1998 – Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета в Обливский р-н Ростовской обл., 1998 г. (информанты: М.Я. Варламова, 1940 г.р.; А.В. Ерохина, 1927 г.р.; В.А. Савчук, 1939 г.р.).
- ПМДЭ 2001 – Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета в Усть-Донецкий р-н Ростовской обл., 2001 г. (информант: А.И. Алексеева, 1912 г.р.).
- ПМДЭ 2002 – Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета в Советский р-н Ростовской обл., 2002 г. (информанты: Т.А. Кобзева, 1928 г.р., В.Г. Коробова, 1929 г.р., М.А. Сафонова, 1935 г.р.).
- СВГ 2002 – Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской

- диалектологии. Вып. 9. Вологда: Вологодский гос. педагогический ун-т; Русь, 2002.
- СДГВО 2011 – Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е. Волгоград: Издатель, 2011.
- Семенова 2009 – Семенова О.Р. Лексика свадебного обряда в русских говорах Южного Урала // Слово и текст: история, культура, этнос: сборник научных трудов памяти Л.Я. Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 180–184.
- СОГ 2008 – Словарь орловских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 15 / Сост. С.М. Васильченко. Орел: б.и., 2008.
- СРДГ 1976 – Словарь русских донских говоров: В 3 т. Т. 2 / Авт.-сост. З.В. Валюсинская и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1976.
- СРНГ 1987 – Словарь русских народных говоров. Вып. 22 / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1987.
- Ржевуский 1888 – Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о терском казачьем войске / Сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Областного правления Терской Области, 1888.
- Токмакова 2015 – Токмакова О.С. Свадебный обряд села Белица Беловского района Курской области // Культура.рф. 02.09.2015. <https://www.culture.ru/objects/522/svadebnyi-obryad-sela-belica-belovskogo-raiona-kurskoj-oblasti>
- Токмакова 2018 – Токмакова О.С. Свадебный обряд станицы Краснодонской Белокалитвинского района Ростовской области // Культура.рф. 20.04.2018. <https://www.culture.ru/objects/3447/svadebnyi-obryad-panic-krasnodonskoj-belokalitvinskogo-raiona-rostovskoj-oblasti>
- Харузин 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1885.

Научная литература

- Алексеевский М.Д. Поминальные трапезы на Русском Севере: пищевой код и застольный этикет // Традиционное русское застолье / Отв. ред. А.С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 118–127.
- Анашкина С. Свадебная обрядность донецких казаков // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / Ред.-сост. Б.Б. Ефименкова. М.: б.и., 1976. С. 113–136.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Байбурин А.К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры / Ред.-сост. В.Д. Кен. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 78–82.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.
- Белова О.В., Узенёва Е.С. Огонь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 513–519.
- Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
- Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект. Дис. ... канд. филол. наук. Воронежский государственный университет, Воронеж, 2019.
- Бойко И.В. Свадебный обряд северо-восточных районов Ставрополя в расска-

- зах носителей региональной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68). Ч. 2. С. 84–87.
- Бузин В.С.* Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.: Нестор-История, 2015.
- Валенцова М.М.* Пить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. С. 55–59.
- Гревцова Т.Е.* Обряды конца свадьбы в традиционной культуре донских казаков // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 116–131.
- Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
- Дианова Т.Б.* Традиционное свадебное застолье на Дону // Традиционное русское застолье / Отв. ред. А.С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.
- Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004.
- Кучко В.С.* Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект // Славянский альманах. 2017. Вып. 3–4 / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2017. С. 479–498.
- Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А.* Овин // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 493–495.
- Матлин М.Г.* Костер на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья // Традиционная культура. 2020. Т. 21 (4). С. 103–111.
- Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004.
- Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя // Советская этнография. 1982. № 1. С. 89–100.
- Новгородский Т.А.* Традиции народного застолья в похоронно-поминальной обрядности белорусов // Традиционное русское застолье / Отв. ред. А.С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 128–135.
- Плотникова А.А.* Слав. *viti в этнокультурном контексте // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Индрик, 1996. С. 104–113.
- Проценко Б.Н.* Донской обряд плодородия: своеобразие и традиции // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 45–52.
- Проценко Б.Н.* Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. 2004. № 4. С. 26–34.
- Рудиченко Т.С.* Особенности свадебного ритуала казачьих поселений юга Донецкого округа (по экспедиционным материалам) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6): материалы Региональной науч.-практической конф., ст. Крепостная, 14–16 мая 1999 г. / Сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: Кубанькино, 2000. С. 91–95.
- Самоделова Е.А.* Рязанские свадебные ритуалы “катить ступу” и “овин тушить” // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 134–151.
- Топорков А.Л.* Битье посуды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 180–182.
- Чижикова Л.Н.* Семейная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт / Отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 174–189.

Research Article

Grevtsova, T.E. Geography and Semantics of the Rituals Named *zavivat'* (*zalivat'*) *ovin* in the Wedding Rite of the Don Cossacks [Geografiia i semantika ritualov zavivaniia (*zalivaniia*) *ovina* v svadebnom obriade donskikh kazakov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 1, pp. 178–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010110> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatyana Grevtsova | <https://orcid.org/0000-0001-7512-9528> | tanyar_2@mail.ru | Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chehova Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Keywords

Don Cossacks, wedding ritual, ritual vocabulary, ritual passage, drying barn, fire, ethnolinguistics, mapping

Abstract

The rituals called phrases with the lexeme *ovin* (“drying barn”) were performed by the Don Cossacks during the hen party, before the departure of the wedding train from the bride’s house, after the wedding night and at the end of the wedding. Their timing to the different stages of the ritual and the different acts indicate the areal diversity of the Don wedding tradition, the formation of which was influenced by migrants mainly from the southern Russian regions. The motif of twisting reflected in the name of these rituals, drinking alcoholic beverages from common dishes, breaking hollow objects, lighting and extinguishing fire, imitation of childbirth and other elements of rituals named *zavivat'* / *zalivat'* *ovin* speak of the complex symbolic content of these ritual episodes and the archaic nature of the folk ideas behind them. Extinguishing of “*ovin*”, real or just called, symbolizes the final ritual transition of the newlyweds to another social group, first of all the bride, the loss of her former biological and social characteristics, the impossibility of returning to the premarital state.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences [122020100347-2]

References

- Alekseevskii, M.D. 2008. Pominal'nye trapezy na Russkom Severe: pishchevoi kod i zastol'nyi etiket [Funeral Meals in the Russian North: Food Code and Table Etiquette]. In *Traditsionnoe russkoe zastol'e* [Traditional Russian Feast], edited by A.S. Kargin, 118–127. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora.
- Anashkina, S. 1976. Svadebnaia obriadnost' donetskikh kazakov [Wedding Ritual of the Donets Cossacks]. In *Traditsionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo* [Traditional and Contemporary Folk Music Art], edited by B.B. Efimenkova, 113–136. Moscow.
- Baiburin, A.K. 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of Eastern Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
- Baiburin, A.K. 1998. Obriadovoe pereraspredelenie doli u russkikh [Ceremonial Redistribution of Destiny among the Russians]. In *Sud'by traditsionnoi kul'tury*

- [The Fate of Traditional Culture], edited by V.D. Ken, 78–82. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Baiburin, A.K., and A.L. Toporkov. 1990. *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Sketches]. Leningrad: Nauka.
- Belova, O.V., and E.S. Uzeneva. 2004. Ogon' [Fire]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.], edited by N.I. Tolstoi, 3: 513–519. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Berezovich, E.L. 2007. *Yazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Bogdanova, E.A. 2019. *Leksika svadebnogo obriada v voronezhskikh govorakh: etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary of Wedding Rites in Voronezh Dialects: Ethnolinguistic Aspect]. PhD diss., Voronezh State University.
- Boiko, I.V. 2017. Svadebnyi obriad severo-vostochnykh raionov Stavropol'ia v rasskazakh nositelei regional'noi traditsii [The Wedding Ceremony of the Northeastern Districts of Stavropol in the Stories of the Bearers of the Regional Tradition]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2 (68/2): 84–87.
- Buzin, V.S. 2015. *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v traditsionnoi iuzhnorusskoi obriadnosti (Lipetskaia, Tambovskaia, Penzenskaia oblasti)* [Birth, Marriage and Death in the Traditional South Russian Rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Regions)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Chizhikova, L.N. 1989. *Semeinaia obriadnost' sel'skogo naseleniia Kurskoi gubernii v XIX – nachale XX v.* [Family Rituals of the Rural Population of Kursk Province in the 19th – Early 20th Century] In *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt* [Russians: Family and Social Life], edited by M.M. Gromyko and T.A. Listova, 174–189. Moscow: Nauka.
- Dianova, T.B. 2008. *Traditsionnoe svadebnoe zastol'e na Donu* [Traditional Wedding Feast in the Don Region]. In *Traditsionnoe russkoe zastol'e* [Traditional Russian Feast], edited by A.S. Kargin, 96–117. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora.
- Grevtsova, T.E. 2020. *Obriady kontsa svad'by v traditsionnoi kul'ture donskikh kazakov* [Rites of the End of Wedding in the Traditional Culture of the Don Cossacks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 116–131.
- Gura, A.V. 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik.
- Kuchko, V.S. 2017. *Russkaia dialektnaia leksika so znacheniem izmeny v liubvi: semantiko-motivatsionnyi aspekt* [Russian Dialect Vocabulary with the Meaning of Betrayal in Love: Semantic and Motivational Aspect]. In *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], edited by K.V. Nikiforov, 3–4: 479–498. Moscow: Indrik.
- Levkievskaiia, E.E., and A.A. Plotnikova. 2004. Ovin [Drying Barn]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.], edited by N.I. Tolstoi, 3: 493–495. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Matlin, M.G. 2020. *Koster na russkoi traditsionnoi svad'be Ul'ianovskogo Povolzh'ia* [Fire in Traditional Russian Weddings in the Ulyanovsk Volga Region]. *Traditsionnaia kul'tura* 21 (4): 103–111.
- Morozov, I.A., and I.S. Sleptsova. 2004. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)* [Game Circle: Holiday and Game in the Life of the Northern Russian Peasant (The 19th – the 20th Centuries)]. Moscow: Indrik.

- Nevskaia, T.A. 1982. Traditsionnaia i sovremennaia svad'ba sel'skogo naseleniia Stavropol'ia [Traditional and Modern Wedding of the Rural Population of Stavropol Region]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 89–100.
- Novgorodskii, T.A. 2008. Traditsii narodnogo zastol'ia v pokhoronno-pominal'noi obriadnosti belorusov [Traditions of the Folk Feast in the Funeral and Memorial Rituals of Belarusians]. In *Traditsionnoe russkoe zastol'e* [Traditional Russian Feast], edited by A.S. Kargin, 128–135. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora.
- Plotnikova, A.A. 1996. Slav. *viti v etnokul'turnom kontekste [Slavic *viti in the Ethnocultural Context]. In *Kontsept dvizheniia v yazyke i kul'ture* [The Concept of Movement in Language and Culture], edited by T.A. Agapkina, 104–113. Moscow: Indrik.
- Protsenko, B.N. 1995. Donskoi obriad plodorodiia: svoeobrazie i traditsii [The Don Fertility Ritual: Peculiarity and Traditions]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 45–52.
- Protsenko, B.N. 2004. Svadebnyi obriad donskikh kazakov vo vremeni i prostranstve [Don Cossacks' Wedding Rituals in Time and Space]. *Traditsionnaia kul'tura* 4: 26–34.
- Rudichenko, T.S. 2000. Osobennosti svadebnogo rituala kazach'ikh poselenii yuga Donetskogo okruga (po ekspeditsionnym materialam) [Peculiarities of Wedding Ritual of Cossack Settlements in the South of Donetsk District (on Expeditionary Materials)]. In *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniia etnicheskikh kul'tur Kubani za 1999 god. Dikarevskie chteniia (6), 14–16 maia 1999 g.* [Results of Folklore-Ethnographic Studies of Ethnic Cultures in Kuban in 1999: Dikarev Readings (6), May 14–16, 1999], edited by M.V. Sementsov, 91–95. Krasnodar: Kuban'kino.
- Samodelova, E.A. 2015. Riazanskie svadebnye ritualy «katit' stupu' i «ovin tushit'» [Wedding Rituals “Katit' Stupu” and “Ovin Tushit'” in the Ryazan Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 134–151.
- Toporkov, A.L. 1995. Bit'e posudy [Smashing Dishes]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.], edited by N.I. Tolstoi, 1: 180–182. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Valentsova, M.M. 2009. Pit' [To Drink]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.], edited by N.I. Tolstoi, 4: 55–59. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Zorin, N.V. 2004. *Russkii svadebnyi ritual* [Russian Wedding Ritual]. Moscow: Nauka.